

# VIII. Что значит работа и почему это важно

В начале книги Дэвида Х. "Что мы понимаем под работой?" он пишет: "В начале книги Боба Блэка "Отмена работы" он называет работу идеологией. Такое использование слова "идеология" по отношению к работе никогда ранее не применялось. Это семантическое злоупотребление традиционными стандартами - отражение того, что нас ждет".

Позже Х будет подделывать цитаты. Здесь он подделывает пересказ. Ближе - не в самом начале моего эссе [1] (в четвертом абзаце) я говорю, что "все старые идеологии консервативны, потому что они верят в труд. Некоторые из них, например марксизм и большинство разновидностей анархизма, верят в работу тем более яростно, что верят в мало что другое". Фальсификация Дэвида Х. "является отражением того, что должно произойти".

Это не говорит о том, что работа - это идеология. Это говорит о том, что вера в работу является частью нескольких идеологий - включая, как вскоре становится ясно Дэвиду Х, его собственную: анархо-левизм. Текст, тезисом которого является мое "семантическое злоупотребление", не должен ни "в начале", ни где бы то ни было фальсифицировать смыслы. Как очевидно из всего моего эссе, для меня работа - это деятельность, действительно институт, а не идеология. Существительное "работа" сочетается с глаголом "работать". "Никто никогда не должен работать", - таково мое настоящее начало, - в противном случае это нонсенс. Но даже если мои идеи бессмысленны, они не являются семантической бессмыслицей.

Такой человек, как Х, который не понимает разницы между "its" и "it's" - этому учат в начальной школе, или это было раньше, - и который в значительной степени не знаком с использованием запятых, не должен критиковать чье-либо использование языка **[2]**. Кроме того, "независимый" не означает "другой", как полагает Х: "Work however in the myriad ways the term is used" - ну да ладно, не так уж много способов - "is in many of its uses [redundant] in dependent of the way Black defines it."

**[2]** Кстати, о пунктуации: Х отмечает мое ироничное использование "отпугивающих кавычек" вокруг слова "коммунист". Я уже давно не верю в осуждение Адорно кавычек, используемых в качестве иронических приемов. Я подробно цитирую Адорно (без иронии и без кавычек) по этому поводу в книге "Анархия после левого исма". Левые анархисты - одни из худших нарушителей (поэтому я обычно "анархист", а не анархист, и т. д.). Эти знаки препинания, используемые моими врагами, также называются "кавычками с усмешкой".

Позже он говорит: "Потребительские ценности - это вещи, которые мы делаем, потому что нам нужно их использовать..." - та же избыточная тавтология. Нельзя сказать, что "работа на ферме - это работа с потребительной стоимостью", потому что "потребительная стоимость" не является прилагательным и не означает "полезный" - кстати, является ли выращивание табака "работой с потребительной стоимостью"? А кто такой "социалистический Маркс"? Есть ли еще один брат Маркса? Маркс анархиста - может быть, это Гручо или Харпо? Здесь я даже не могу предположить, что пытается сказать Х. И вот почему некоторые из этих пунктов, рассмотренные по одному, могут показаться мелочами, но совокупное воздействие этих промахов не только утомляет, но и либо затуманивает смысл, либо вызывает подозрение, что затуманивать нечего.

На самом деле Х сам повторяет, без одобрения, мое настоящее определение работы (в краткой версии): "принудительный труд, который является обязательным", за исключением того, что моя версия не является избыточной: Я говорю о "принудительном труде, то есть о принудительном производстве". Таким образом, он противоречит своему первоначальному обвинению. Если это "минимальное определение" (как я его называю) - смею ли я сказать, мое рабочее определение? - не согласуется по существу с общепринятыми или словарными определениями труда, Х никогда не говорит об этом, а если говорит, то почему не согласуется. В конце концов, Х соглашается с ним.

Легко найти определения работы, похожие на мое. Я дополняю определение, говоря: "Работа никогда не делается ради нее самой, она делается ради какого-то продукта или результата, который рабочий (или, чаще всего, кто-то другой) получает от нее". Замечание "чаще всего" подтверждает мою осведомленность о таких системах труда, как рабство и наемный труд.

Работа, таким образом, может означать то, что я говорю, что она означает. Я не пытался быть оригинальным, я просто пытался быть понятным. Но это слово также может означать, говорит Х., "полноценную работу". Теперь, как определение работы или одно из них, это не подходит. Это все равно что сказать, что определение слова "собака" неадекватно, если в него не включена "коричневая собака". Определение обычно не является каталогом всех атрибутов, которыми оно может обладать. Существуют коричневые собаки, большие собаки, бешеные собаки, бегающие собаки и т. д., но этим прилагательным, характеризующим определенных собак, нет места в определении собаки.

Все мои тщательные усилия по определению и разграничению работы и игры пропали для Дэвида Х. Я резко отверг тех, кто, подобно Йохану Хьюизингу и Берни де Ковену, определяет "игру" как не имеющую последствий, как изначально непродуктивную, под которой работа подразумевает тот же самый вид "семантического злоупотребления", который я порицаю у Х.: "Дело не в том, что игра [обязательно] не имеет последствий. Это значит принизить игру. Смысл в том, что последствия, если они есть, беспричинны". **[5]** Я ясно дал понять, что, хотя работа и игра - не одно и то же, у них может быть что-то общее, и именно то, что у них может быть общим, может составить, за неимением лучшего слова, "экономическую" основу лудического образа жизни. **[6]** В этом отношении я не так уж далек от Петра Кропоткина и Эммы Голдман, и еще ближе к Шарлю Фурье и Уильяму Моррису.

**[5]** Этот постулат Хёйзинги не согласуется с тем, чему посвящена его книга: выявлению "игрового элемента" в таких видах деятельности, как право, война, поэзия, философия, искусство и даже бизнес. Не знаю, как ДеКовен, а я узнал свою фразу (игра как "отстранение от последствий") от покойного Гэри Уорна, которого я жестко критиковал в "Изысканном трупе". Именно в "Горилловом гроте" Уорна, "игровой среде для взрослых", я произнес свою первоначальную речь об отмене работы. Единственное, что я узнал о де Ковене с тех пор, - это то, что он является одной из главных фигур в движении "Новые игры", которое разрабатывает неконкурентные игры (все выигрывают). Моя позиция заключается в том, что играть можно не только в игры. Процитированное выражение, возможно, взято из книги Берни де Ковена "Хорошо поставленная игра" к которой у меня нет доступа.

**[6]** Латинское слово *ludi* относится к играм. Но словарные определения игры гораздо более обширны.

Но я очень далек от сегодняшних организационно-фронтowych, рабочих анархистов. В довольно раздраженном ответе либертарианскому консервативному критику - который, к моему сожалению, и по сей день является моим самым умным критиком - я написал: "Мое предложение состоит в том, чтобы объединить лучшую часть (фактически, единственную хорошую часть) работы - производство полезных ценностей - с лучшей частью игры, которую я принимаю за каждый аспект игры, ее свободу и ее веселье, ее добровольность и ее внутреннее удовлетворение. ... Неужели это так трудно понять? Если продуктивная игра возможна, то возможна и отмена работы".<sup>7</sup> Ну что, Дэвид Х? Неужели это так трудно понять?

Поэтому Дэвид Х банально и неуместно говорит, что некоторым людям нравится их работа. Я признал этот феномен. Даже работа, сказал я, может иметь "внутренний интерес". Х, вероятно, переоценивает число таких людей. Сколько людей, которые так говорят, сделали бы ту же работу без оплаты? Здесь я согласен с Ницше: "Искать работу для того, чтобы за нее платили: в цивилизованных странах сегодня почти все мужчины как один делают это".

Для всех них работа - это средство, а не самоцель... Но есть, хотя и редко, люди, которые скорее погибнут, чем будут работать, не получая от своей работы никакого удовольствия".

**[8]**

Некоторые люди хотят думать, что им нравится их работа, в которую они вкладывают так много себя, потому что, если бы они так не думали, их самооценка пострадала бы. Они не хотят думать, что их разыгрывают как лохов (а я никогда не говорил, что это так: я не выношу суждений ни об одном человеке). Люди пытаются извлечь из ситуации максимум пользы и рационализировать неизбежное. Дэвид Х. в 2013 году понимает работу почти так же хорошо, как Фридрих Ницше понимал ее в 1882 году, но не так хорошо, как я в 1980-м.

Раз уж Х напомнил мне о марксистском понятии "отчуждение", позвольте мне в свою очередь напомнить ему о марксистском понятии "ложное сознание". В общем, это Х, а не я, слабо разбирается в марксистской экономике. Так, не существует такого понятия, как "марксово различие между потребительной стоимостью и товаром". Маркс различает

потребительную стоимость и меновую стоимость. Многие товары имеют потребительную стоимость. Это делает их более продаваемыми.

**[8]** Ницше также рассказывает о том, как почти все европейские мужчины вынуждены принимать профессиональную роль, работу: "Результат довольно странный. Достигнув более зрелого возраста, почти все европейцы путают себя со своей ролью; ... они сами забыли, как сильно распорядились ими случай, настроение, каприз, когда решался вопрос об их "призвании", и сколько других ролей они, возможно, могли бы сыграть; теперь уже слишком поздно".

Потребительские ценности не являются "вещами, которые мы создаем", потому что потребительные ценности не являются вещами. Сказать так - значит, как сказал бы Маркс, "овеществить".

Должно быть, Х не имеет ни малейшего представления о моем тезисе, поскольку он никогда не упоминает о нем. Он просто не продумал, что нужно сделать, чтобы отделить и закрепить то, что может приносить удовлетворение в работе, от того, что не может. Кто-то из нас задумывался над этим вопросом, и это не он. Не здесь ли анархисты классовой борьбы могли бы протянуть руку помощи, вместо того чтобы бегать вокруг рабочих и организовывать друг друга? Они защищают рабочего, но они не знают многого о том, что делает рабочего рабочим: работа.

Х подразумевает, что он тот тип анархиста - "Соль" - который берется за работу, чтобы "организовать ее". Это все еще происходит? Еще один удар в ногу (в левую ногу) от языка... Х не хочет организовывать работу - босс уже сделал это! - он хочет организовать рабочих на рабочем месте. Я хотел бы увидеть несколько историй успеха от Солей (взятых с крупницей соли?). Называют ли они себя Солями, потому что считают себя Солью Земли? Тот, кто может позволить себе устроиться на работу, с которой его могут уволить, не должен рассуждать о том, являюсь ли я "привилегированным", как это делают "некоторые люди", по словам Х. Таким образом, Х вбрасывает ложные, неуместные и унижительные сплетни обо мне, снимая с себя ответственность за них.

"Любопытно, - говорит Х, - что Блэк не читал Маркса настолько, чтобы знать, что у Маркса уже есть термин для этого. У Маркса есть термин "отчуждение", которым он обозначает, когда мы абстрагируемся от продуктов, которые создаем, или даже в более общем смысле - когда мы отрываемся от своей работы через систему оплаты труда". Я кое-что знаю об отчуждении Маркса, большое спасибо, в той мере, в какой он понятен. То, что он обсуждал, но нечасто, в основном не то, что обсуждаю я: не по незнанию, а по выбору. В "Упразднении труда" больше о труде как таковом, чем во всех трех томах "Теории прибавочной стоимости". Но Маркс никогда не занимал рабочее место в течение последних 35 лет своей жизни. Он никогда не был Солтом **[9]**.

Марксисты, включая анархо-марксистов вроде Х., рассматривают труд при капитализме как институт эксплуатации. Но они пренебрегают тем, что я подчеркиваю: работа - это институт господства, и не только при капитализме. Я часто слышал, как рабочие жалуются на работу. Я никогда не слышал, чтобы рабочие жаловались на отчуждение. Работа была репрессивной

на протяжении нескольких тысяч лет цивилизации до капитализма.

**[9]** *Не был таким и Энгельс. Он владел фабриками.*

Меня беспокоит то, что, по мнению марксистов или синдикалистов, после капитализма труд по-прежнему будет репрессивным. "Во всех прежних революциях способ деятельности всегда оставался неизменным, и речь шла только о другом распределении этой деятельности, о новом распределении труда между другими лицами, тогда как коммунистическая революция направлена против существующего до сих пор способа деятельности, отменяет труд и упраздняет господство всех классов вместе с самими классами... ". **[10]**

**[10]** *Это Карл Маркс. Если Х. не верит мне, может быть, он поверит Карлу Марксу.*

Я не вижу причин заливать критику труда в марксистские формы. Много выльется наружу. На самом деле, я вообще не вижу причин для анархистов уважать марксизм. Марксисты насмеялись над нами, порочили нас, предавали нас и убивали нас, но они никогда не уважали нас. Марксизм антианархистский, вдоль и поперек. Анархизм должен быть анимарксистским, вдоль и поперек". **[11]** Не только из принципа, но и из целесообразности: "Анархисты находятся на переломном этапе. Впервые в истории они являются единственным революционным течением".

**[11]** *То же самое я говорил об анархистах, которые считают Мюррея Букчина анархистом. Букчин - с характерной для него честностью - в конце концов заявил, что он не анархист и никогда им не был. Я жду, скорее с надеждой, чем с ожиданием, что Чомски последует его примеру.*

Конечно, не все анархисты - революционеры, но быть революционером, не будучи анархистом, не менее возможно, если не по имени, то по сути".

Продолжая лекцию, Х сообщает нам, что "некоторые люди [кто эти люди? относится ли Х к их числу?] говорят, что Блэк спускает капитализм "с крючка", потому что он игнорирует специфическую эксплуататорскую природу капитализма. Говоря "просто работа" и не различая работу, которая является капиталистической оплачиваемой работой, составляющей большинство работ, выполняемых в капиталистическом обществе, и менее принудительную работу "активистов" [а?], которую мы также называем работой". Это либо фрагмент предложения, либо предложение, которое к концу растворяется в тарабарщине. Что такое "принудительные "активисты"?

Блэк, рассуждая таким образом, также спускает собак с крючка (или с поводка?), потому что он оставляет без внимания специфически "коричневую" природу коричневых собак, специфически "большую" природу больших собак и специфически "бешеную" природу бешеных собак. По рассуждению Х., нельзя сказать ничего серьезного о работе, только о наемном труде, который является лишь одной из форм, которые принимает работа, даже в позднем капитализме, как в конце концов признает Х. Марксисты и другие сторонники рабочего движения могут сколько угодно говорить о коричневых собаках - об эксплуатации, наемном труде, прибавочной стоимости, падающей норме прибыли и т. д. Я могу

согласиться с некоторыми из них. Но есть нераспределенный остаток. Это сама работа.

В 1985 году я решил писать о собаках (в смысле "работать как собака") - не о коричневых собаках - отчасти потому, что почти никто больше не писал. В какой-то степени я это изменил. Собственная критика Н'с свидетельствует об этом. Я думаю, что идея "нулевой работы" витала в воздухе в середине 1980-х годов. Должно быть, так и было, потому что Андре Горц, у которого никогда в жизни не было оригинальной идеи, написал книгу, в которой отстаивал урезанную версию отмены работы, и которая вышла на английском языке в том же году (1985), когда впервые было опубликовано мое эссе. В 1995 году многолетний тренд-сёрфер Джереми Рифкин опубликовал глупую книгу "Конец работы", которую я разгневал.

А теперь - и это доказывает, что я действительно приехал - появилась книга марксистско-феминистского профессора колледжа, в подзаголовке которой есть слова "анти-работа" и "пост-работа"!

Среди тех, кто принадлежит к пост-левым анархистским тенденциям, критика работы широко признается, даже считается само собой разумеющейся, по той веской причине, "что этот монстр под названием РАБОТА остается точным и конкретным объектом нашего бунтарского гнева, единственной наиболее угнетающей реальностью, с которой мы сталкиваемся (и мы должны также научиться распознавать РАБОТУ, когда она маскируется под "досуг")"**[18]**.

**[18]** Я уже говорил о досуге: "Досуг - это неработа ради работы". Еще один человек, который высказал эту мысль, - Уайт, "Образование и конец работы". Так же поступал и Карл Маркс: "Свободное время - которое включает в себя как досуг, так и время для высшей деятельности - естественным образом превращает каждого, кто им пользуется, в другого человека, и именно этот другой человек затем включается в непосредственный процесс производства".

По этому поводу одна из моих неверных цитат Х. немного серьезнее, чем большинство его промахов: "Блэк говорит, что многие левые [левые?] и анархисты настолько одержимы работой, что "мало о чем еще говорят"". По иронии судьбы, Х пытается, в кои-то веки, быть милым и согласиться со мной. Но что я действительно сказал и что я уже цитировал, так это то, что "все старые идеологии консервативны, потому что они верят в работу. Некоторые из них, например марксизм и большинство разновидностей анархизма, верят в труд тем более яростно, что верят в очень малое". Я не сказал, что левые и большинство анархистов говорят только о работе, я сказал, что они верят в работу тем более яростно, что верят в малое другое. Левые, включая левых анархистов, за редким исключением, не говорили о работе в 1980-е годы. Это не было заговором молчания, но вполне могло быть и так. Левые думали о рабочих (абстрактно), не думая о работе, и уж точно не говоря о ней. Но о работе нужно было думать и говорить, причем критически. Поэтому я думал о работе и говорил о ней критически.

Как явствует из моего эссе в большей степени, чем из эссе Х., работа принимает различные формы. Есть наемный труд, но есть и рабство, крепостное право, педонаж\*, работа на дому и

самозанятость. Последние два вида все еще очень важны в "капиталистическом обществе". Я бы сказал, что капиталистическое общество не может обойтись без них, даже если "большая часть работы" - это подневольный труд. Но вы не можете организовать этих рабочих! Х даже говорит об этом! Для левых анархистов это источник печали. Действительно, это обрекает их на бесперспективность. Как это часто бывает, Х. (четвертый абзац) берет назад свою предыдущую критику (что "отчуждение" - это джаз) и соглашается со мной.

*\* [прим. переводчика] Пеонаж - форма эксплуатации непосредственных производителей (преимущественно крестьян), основанная на превращении их в наследственных должников — пеонов, находящихся в кабальной зависимости от помещика или предпринимателя. Была особенно распространена в Латинской Америке.*

Критика труда - это обязательно критика капитализма, но критика капитализма - это не обязательно критика труда. Поэтому критика труда более радикальна. Критика труда - это скорее критика господства, чем эксплуатации. Критика наемного труда - это скорее критика эксплуатации, чем критика господства.

Если вы возражаете только против эксплуатации, то может показаться, что освобождение трудящихся завершено в рабочем государстве, где государственная собственность вытеснила частную собственность на средства производства, а зарплаты уравнены. Никто не эксплуатируется, и все господствуют. Ни один анархист никогда не верил в это. Х не уверен, но у него есть плохое предчувствие, что у меня могут быть возражения против демократии на рабочем месте. И это так. Поскольку я отвергаю работу, я обязательно отвергаю демократию на рабочем месте. Но я также отвергаю саму демократию во всех ее проявлениях, формах и видах - с полной остановкой. Я отвергаю самоуправляемое рабство. Это лишь случайное соображение в "Отмене работы", хотя оно там есть. Но критика демократии становится все более заметной во всем, что я написал с 1985 года. Я резюмирую ее в "Развенчании демократии" **[19]**.

Мне жаль (ну, не совсем) привлекать внимание к еще одной выдумке Дэвида Х. Он цитирует меня следующим образом: "Он также делает отдельное и еще более ужасающее утверждение, что на рабочем месте, управляемом рабочими, "народ становится тираном, и в чем, блядь, смысл". "Этой предполагаемой цитаты нет ни в "Упразднении работы", ни в чем-либо другом, что я когда-либо писал. Любой человек, в меру знакомый с тем, что и как я пишу, знает, что я никогда бы так не сказал. Я никогда не был сопливым панком из художественной школы ("в чем, блядь, смысл").

У Х проблемы с цитированием. Он начал с фальшивого пересказа. Позже он придумал фальшивые цитаты. Но даже когда он честно пытается процитировать меня, он каждый раз терпит неудачу.

**[19]** Х пишет: "Что, если критика Блэка - это критика демократического принятия решений на рабочем месте?" Нет, моя критика демократии - это критика демократии. "Если бы мы хотели начать этот разговор, - а кто ему мешает? - мы должны были бы обсудить разницу между рабочими местами с демократическим контролем при капитализме и при

*капитализме". Вероятно, они были бы не очень разными, поскольку были бы одинаковыми. Х, должно быть, хотел противопоставить рабочие места, контролируемые демократическим путем, рабочим местам, контролируемым недемократическим путем, но он говорит не об этом. Вместо этого он говорит, что "при капитализме" существуют "рабочие места с демократическим контролем"!*

Каждая цитата, которую Х приписывает мне, неточна. Он даже не может точно скопировать слова.

Вопреки мнению Х, его "полноценная работа" - это не то, что я понимаю под игрой. Большинство игр сейчас действительно не имеют значения: они непродуктивны в экономическом смысле, и, я надеюсь, большинство игр всегда будут такими. Все или некоторые из того, что Х. называет полноценной работой, в свободном обществе могут быть преобразованы в свободную деятельность. Возможно, я был виноват в том, что способствовал путанице Х., когда написал: "Такова работа. Игра - прямо противоположное". Хотите верьте, хотите нет, но за 28 лет я так и не заметил этого несоответствия. По-видимому, никто не заметил, включая Х. В моем понимании работа действительно "прямо противоположна" игре, но только в той мере, в какой одна из них является добровольной, а другая - нет. В остальной части эссе этот важнейший момент проясняется. На самом деле, как видно из моего следующего предложения, я имел в виду выявление одного аспекта, в котором работа и игра противоположны: "Игра всегда добровольна. То, что в противном случае могло бы быть игрой, становится работой, если к этому принуждают".

В 1885 году Уильям Моррис, британский марксист и коммунист, писал: "Пока работа отвратительна, она будет оставаться бременем, которое нужно ежедневно брать на себя, и даже так будет омрачать нашу жизнь, даже если часы труда коротки. Мы хотим лишь увеличить наше богатство, не уменьшая при этом удовольствия. Природа не будет окончательно покорена, пока наш труд не станет частью удовольствия нашей жизни". Именно таков тезис "Отмены труда", хотя я не говорил и не стал бы говорить о покорении природы, что звучит скорее в духе Фрэнсиса Бэкона, чем так, как обычно говорил Моррис. Разница лишь в том, что Моррис продолжал называть "работой" то, что я предпочел бы называть, чтобы избежать путаницы и подчеркнуть разницу, чем-то другим. Моррис в своем эссе (как и в моем, изначально представлявшем собой речь) совершенно ясно дал понять, что он имел в виду под "полезной работой" - точно так же, как я совершенно ясно противопоставил работу, со следами или без следов самореализации, продуктивной игре.

Моррис и я - а до нас Шарль Фурье и другие - обсуждали и пытались определить принципы социальной трансформации того, что сейчас является работой, или, скорее, ее части, в свободную продуктивную игру.**[21]**

**[21]** Я упомянул некоторые имена, но намеренно не давал ссылок или списка литературы, потому что, в отличие от современных анархистов, ведущих классовую борьбу, я писал не для белых студентов колледжей из среднего класса. Я пытался написать что-то такое, что могли бы прочитать и оценить реальные рабочие, и за многие годы, прошедшие с 1985 года, я получил множество отзывов, свидетельствующих о том, что мне это в какой-то степени удалось. Многие люди говорили мне или рассказывали другим, что я изменил их жизнь. Я



*получаю эти сообщения со смешанными чувствами.*

Другой способ выразить это, который может понравиться определенным вкусам, заключается в том, что все мы стремимся к реализации и подавлению работы. Дэвид Х не обсуждает это важнейшее измерение моего аргумента, вероятно, потому, что не понимает его.

Предложение Х. называть работу, приносящую удовлетворение, "работой", а не приносящую удовлетворения - "трудом", не имеет никакой цели. Оно будет повсеместно проигнорировано. Дело не в том, что нам, по словам Х., "не хватает терминологии". У нас слишком много терминологии! У нас много слов. Просто некоторые люди не знают, "как делать вещи со словами". У нас так много слов, что Уильям Моррис и я можем сказать одно и то же разными словами. Ему трудно выразить то, что он хочет сказать, какими-либо словами. Для него слова - ловушка. Для меня они - источник великолепия.

В каком-то отдаленном будущем анархо-лефтист - если предположить, в чем я сомневаюсь, что в каком-то отдаленном будущем появятся анархо-лефтисты, - может выступить с интеллектуально респектабельной критикой моей критики работы. У левых было тридцать лет, чтобы попытаться это сделать.

Естественно, в своем тщеславии мне хочется думать, что причина в том, что мой аргумент неопровержим.

Но могут быть и другие объяснения. Анархо-левые владеют всеми анархистскими книжными магазинами, и все они запрещают мои книги. До недавнего времени они были (я имею в виду AK Press и PM Press) единственными якобы анархистскими распространителями, хотя, взглянув на товары в их каталогах, вы и не заподозрите, что они анархистские. Левые также управляют большинством анархистских сайтов. Левые лидеры знают, на что я способен в полемике. Они знают, как я вел себя с Мюрреем Букчином и другими. Отвечая мне, они знают, что это лишь дает мне возможность в ответ выставить их дураками, даже если я обнародую свои собственные идеи, которые они не хотят обходить стороной. Поэтому они стараются меня игнорировать, что дополняет их цензуру моих трудов. Но, как я заметил несколько лет назад, то, что, как мне кажется, я сделал, это определил работу как основную анархистскую проблему. Я заставил даже анархистов, выступающих за работу, таких как анархо-синдикалисты и платформисты, защищать работу вместо того, чтобы просто принимать ее как должное".

Они высмеивают идею нулевого труда, вместо того чтобы попытаться опровергнуть ее, так что идея остается неопровергнутой. Естественно, это означает, что больше людей согласятся с ней".

Возможно, я преувеличил степень, в которой к 2005 году я заставил левых защищать работу, но Дэвид Х - пример того, что мой вызов левым больше нельзя игнорировать.

Хотя критика левых не была главной темой "Отмены работы", она открыто проявляется в ней, и это критика левых в том, что касается работы. Другие аспекты моей критики левых появляются в других, ранее опубликованных текстах, которые также вошли в "Отмену

работы и другие эссе" или в более поздние книги. С крахом европейского марксизма несколько лет спустя, к всеобщему ликованию, возник вопрос о том, где остались левые. Триумфаторы капитализма и демократии провозгласили - как мы теперь знаем, преждевременно - конец истории. Это было тяжелое время для левых - не только для полностью дискредитировавших себя марксистов-ленинцев - потому что все они, даже если они были антимарксистами (как большинство анархистов в то время), полагали, что история на их стороне. История не принимает чью-либо сторону".

Все левые, как оказалось, были более марксистами, чем они думали. Вот почему левые анархисты вроде Дэвида Х. цепляются за обрывки марксистской доктрины (как, впрочем, и Ноам Чомски), которые никогда не были полностью правдоподобными даже в рамках всего марксистского идеологического аппарата и ничего не значат за его пределами. Марксистская экономика, которой до сих пор балуются анархо-левые, дискредитирована как в теории, так и на практике. Но им нечем ее заменить. Я не думаю, что когда-либо существовал анархист-экономист, если только не считать Прудона, а он сейчас еще более неактуален, чем Маркс, когда речь идет об экономике.

Левые, хотя и утратили все теоретические основания для этого, по-прежнему твердо стоят на почве экономики ("базиса", как говорили марксисты). И база эта есть. Левые разделяют с идеологами капитализма миф о продуктивизме. То, что я называю отменой труда, то, что Шарль Фурье называл привлекательным трудом, то, что Уильям Моррис называл полезной работой против бесполезного труда, равносильно призыву к отмене экономики. Левые анархисты, которые смеются над этим, могли бы задуматься над тем, что то, к чему они якобы призывают, - отмена государства - вызвало бы не меньше смеха. Хотя экономика еще менее популярна, чем государство. Работа вообще не пользуется популярностью. Любое стоящее предложение начинает считаться безумным или скандальным".

Отмена работы, отмена государства, отмена экономики и даже отмена искусства: все эти отмены приходят в одно и то же место. Они не означают одно и то же, но обозначают одно и то же социальное состояние. В этом состоянии нет места институтам принуждения, таким как труд и государство. В этом состоянии нет места для работников. Вместо этого есть место (любое место) для игривых творцов, производителей и их друзей, и даже место для ленивых. В этом месте искусство, например, не является специализированной деятельностью. Оно может стать частью жизни любого, кто этого захочет, и почти все захотят этого в своей жизни, я верю, когда они смогут поверить в такую возможность. Революция повседневной жизни - единственная революция, которая стоит того, чтобы ее совершить. И отмена работы - центральная часть революции повседневной жизни.

---

Версия #2

Зверобой создал 26 мая 2025 08:13:18

Зверобой обновил 27 мая 2025 01:58:11